

чення : навч. посіб. / Б. І. Сташків. – К. : Знання, 2005. – 405 с. ; Субботенко В. К. Процедурные правоотношения в социальном обеспечении: монография / В. К. Субботенко. – Томск : Издательство Томского университета, 1980. – 197 с.

5. Сташків Б. І. Теорія права соціального забезпечення : навч. посіб. / Б. І. Сташків. – К. : Знання, 2005. – 405 с.

6. Про запобігання фінансової катастрофи та створення передумов для економічного зростання в Україні : Закон України від 27 березня 2014 року № 1166-VII // Офіційний вісник України. – 2014. – № 28. – Ст. 783.

7. Чернявська Г. В. Критерії обґрунтування процедурних право-відносин соціального забезпечення / Г. В. Чернявська // Вісник Львівського університету. Серія «Юридична». – 2013. – Вип. 57. – С. 263–271. – [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://nbuv.gov.ua/j-pdf/Vlnu_yu_2013_57_35.pdf.

8. Зінченко О. В. Юридичні конструкції: класифікація та значення у процесі пізнання правових явищ / О. В. Зінченко // Часопис Київського університету права. – 2011. – № 2. – С. 55–58. – [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://kul.kiev.ua/images/chasop/2011_2/55.pdf.

9. Академічний тлумачний словник української мови [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://sum.in.ua/s/suprovidnyj>.

10. Протасов В. Н. Юридическая процедура / В. Н. Протасов. – М. : Юридическая литература, 1991. – 77 с.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ: СУЩНОСТЬ И РОЛЬ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Антон ГОНТАРЕНКО,

соискатель кафедры теории и истории государства и права
Института политологии и права

Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова

Summary

Article is devoted to covering of separate aspects of activity of religious associations in 1921–1929, to clarification of their place and value in state and legal life during the studied period. The analysis of separate provisions of the Soviet legislation concerning questions of functioning of religious communities is carried out. It is certain that for power structures there was an opportunity to interpret precepts of law on the discretion, to manipulate legislative provisions which concerned the state and church relations.

Key words: religious associations, state and church relations, Bolshevik mode, antireligious policy, precepts of law.

Аннотация

Статья посвящена освещению отдельных аспектов деятельности религиозных объединений в 1921–1929 гг., выяснению их места и значения в государственно-правовой жизни в исследуемый период. Осуществлен анализ отдельных положений советского законодательства относительно вопросов функционирования религиозных общин. Определено, что для властных структур существовала возможность толковать правовые нормы на свое усмотрение, манипулировать законодательными положениями, которые касались государственно-церковных отношений.

Ключевые слова: религиозные объединения, государственно-церковные отношения, большевистский режим, антирелигиозная политика, правовые нормы.

Постановка проблемы. В 1921–1929 гг. на территории Украины осуществлялось соревнование между большевиками, с их антирелигиозной политикой и пропагандой, которые, будучи обеспеченные приоритетом в правовых, административных, политических и экономических средствах влияния, накладывали ограничение на религиозные объединения, и служителями культа, верующими гражданами, которые испытывали репрессии со стороны власти.

Актуальность темы исследования. Для государственно-церковных отношений большое значение приобретает изучение и анализ вопросов относительно отношения советской власти к религиозным организациям, которые являются достаточно актуальными сегодня, принимая во внимание сложности в регламентации национальных отношений в современном государстве. Проблемы национального характера в значительной степени связаны с принадлежностью граждан государства к определенному религиозному обществу.

Состояние исследования. Научный анализ вопросов, связанных с определением роли религиозных объ-

единений в политико-правовой жизни советского общества, осуществлялся многими учеными, в частности Б. Андрусишиним, О. Бойко, Б. Змерзлым, А. Киридон, Г. Лаврик, В. Пашенко, И. Рыбак.

Целью статьи является определение роли религиозных объединений в политико-правовой жизни советского общества, анализ научных взглядов и наработок по данной проблеме.

Изложение основного материала. Неоднозначность советского законодательства была в пользу режима, поскольку существовала возможность толкования правовых норм на свое усмотрение, манипулирование законодательными положениями. Отношения государства и религиозных объединений основывались на господстве законов силы со стороны властных структур, отсутствие уважения к церкви, представителям духовенства да и вообще к верующим гражданам, пренебрежении их правами, убеждениями.

Работа большевистской партии проводилась в направлении уничтожения религиозных объединений из общественно-политического бытия, способствуя укреплению коммуни-

стической идеологии, что приводило, конечно, к непримиримому противопоставлению интересов церкви и государства. Утвердившись в руководящих звеньях украинского государства, партийно-государственные структуры исполняли свои обязанности, которые касались, прежде всего, становления социалистического строя с новыми стандартами и идеалами без какой-либо религии. Начиная с первых моментов своего существования, большевики активно организовывали идеологическую борьбу с религиозными объединениями. Так, для регулирования государственно-церковных отношений специально была составлена такая законодательная база, нормы которой ограничивали демократические свободы или даже сильно противоречили правовым интересам православной церкви, уменьшалась ее влияние на население. Базой в соревнованиях с представителями религиозных организаций стал принцип классовой борьбы [2].

На практическом уровне, уничтожая церковь, религию, отмежевываясь от связанной с ними обрядности, коммунистический режим для надлежащего обеспечения потребностей граждан государства духовного, культурного характера «насаждал» новые вкусы, новую, в своем роде, обрядность. Атеизация сознания населения проходила, с одной стороны, под идеологическим влиянием постоянной враждебной контрреволюционной деятельности духовенства и православной церкви, с другой – рядом с быстрым утверждением советской идеологии [10, с. 16].

О. Бойко в своем исследовании «Противодействие православной церкви и общественности антирелигиозному наступлению государства в 20–30-е гг. XX ст. (на материалах Юга Украины)» доказывает, что ограничения на представителей духовенства накладывались сразу в нескольких направлениях и изменялись в зависимости от конкретных исторических условий. В течение 1920-х гг. автор выделяет среди методов борьбы административные притеснения и экономические санкции, такие как налоговое давление, исключение жилья, земли, имущества; грубое нарушение политических и гражданских прав, лишения социальной поддержки духовенства [2].

Происходило усиление разнообразия антирелигиозных правительственных мероприятий. Религиозные общины были лишены права юридического лица, правительство ввело для них обязательную регистрацию, которая требовала значительных материальных расходов. Служители культов лишались избирательного права, ограничивались в выборе работы, пользовании землей. К этой категории власть отнесла и всех баптистских и евангельско-христианских пресвитеров и проповедников, которые в подавляющем своем большинстве не жили за счет верующих [9, с. 280].

Конфискация земель, которые были в собственности церквей и монастырей, устранение представителей духовенства от ведения актов гражданского состояния, предоставления таких полномочий светским учреждениям, уничтожения управленческой системы духовного ведения вопросов, связанных с воспитательными и образовательными функциями, прекращение предоставления материальной помощи церковным учреждениям было организовано и проведено при сдержанном восприятии общественности [8, с. 239].

Снижение роли обжалования решений власти в правовом поле побуждало служителей культа и верующих – членов религиозных объединений – к использованию методов, которые часто не отвечали советскому закону и не вписывались в правовые рамки. Отметим, что выявление недовольства и применение резких средств не часто имели место в ситуации, которая сложилась, однако ради сохранения и расширения своих прав и свобод представители религиозных организаций использовали ряд самых действенных средств борьбы, таких как разного рода стихийные недовольства, массовые акции общего и публичного характера, кое-где возникали даже конфликты с оружием по отношению к государственным силовым органам, которые заканчивались многочисленными жертвами. Историки отмечают, что в 1930-х гг. через тотальный террор протесты стали редким явлением [2].

В. Пашенко и Р. Ситарчук в статье «Некоторые аспекты государственно-церковных отношений в 1920–30 гг. (на примере общин баптистов и евангельских христиан Полтавщины)» за-

мечают, что вторая половина 20-х годов характеризовалась укреплением позиций тоталитаризма в СССР. С 1929 г. разнообразными властными структурами утверждался широкий перечень законодательных актов, которые еще больше ограничивали и без того незначительные права религиозных объединений. Так, исследователи указывают, что особенно ощутимый удар протестантскому движению нанесло постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета СССР от 29 апреля в 1929 г. «О религиозных объединениях». Согласно положениям отмеченного документа подлежало запрету формирования касс взаимопомощи, осуществления богослужений, других подобных мероприятий для собственных детей, молодого поколения, женщин, организации собраний для изучения Библии. После процедуры внесения поправки к ст. 4 Конституции РСФСР, религиозным общинам выносился запрет относительно популяризации Евангелие, что, на практике, сделало бесполезной и непродуктивной их реальную деятельность [9, с. 283–284].

Основополагающую базу в отношениях большевистского режима и религиозных объединений заложил еще В. Ленин, опираясь в своем мировоззрении на ранее выделенных К. Марксом и Ф. Энгельсом идеологических положениях. Ученый Б. Змерзлый наводит следующее выступление В. Ленина: «Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, однако мы не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии. Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом сугубо идейными и только идейными средствами, нашей прессой, нашим словом. Для нас идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело» [5, с. 23–24].

Приведенные тезисы подчеркивали методы действий не правового, а заполитизированного советского государства, в котором идеология, коммунистическая партия стояли выше закона. Именно поэтому в таких условиях советские законы, конституции и другие правовые акты в регулировании деятельности религиозных объедине-

ний, отношений между государством и церковью в условиях советской власти оказались вторичными – отмечает исследователь Б. Змерзлый. Первое же место занимали идеологические принципы большевиков, решения и постановления Политбюро КП(б)У, личное мнение и взгляды партийных руководителей [5, с. 24].

8 марта в 1922 г. Всеукраинский центральный исполнительный комитет принял законодательный акт «О передаче церковных ценностей в фонд помощи голодающим», положения которого регламентировали отношения, связанные с конфискацией и зачислением церковных ценностей к активам поддержки голодающего населения.

Ученый А. Киридон в одной из своих статей под названием «Государственно-церковные отношения в советской Украине 1920–1930-х гг.: Социальное измерение» констатирует, что среди разных слоев украинской интеллигенции именно служителям культа выпала самая трагическая судьба. Как отмечает исследовательница, Всесоюзные переписи населения 1926 и 1939 лет не предусматривали даже отдельного учета этой категории. Этим, очевидно, пишет автор, особое внимание уделялось вопросу уничтожения данного «враждебного элемента»; точных данных количественной характеристики и стратификации в самой группе она находит. Духовенство выступало на защиту храмов и религии в целом. Сложные процессы, связанные с церковными расколами, притеснения со стороны местных и центральных органов власти часто вынуждали духовенство отречься от сана, делались попытки «вписываться в социальную среду» – констатирует автор [6, с. 248].

Б. Андрусишин и В. Бондаренко в книге «Государственно-церковные отношения: история, современное состояние и перспективы развития» указывают, что с мая в 1922 г. власть практически устранила патриарха Тихона от руководства церковью, передала его под домашний арест, разрушая таким способом, существующую на то время, систему церковного управления, способствуя при этом укреплению тех религиозных объединений, которые представляли альтернативу патриаршей РЦП в церковной среде, в част-

ности, так называемым обновленским церквям. Антитихоновская риторика, поддержка обновленцами советской власти, как отмечает Б. Андрусишин, предопределяла лояльное отношение власти к этим церковным новообразованиям и делала их союзниками в уничтожении РЦП [1, с. 199].

Увеличение количественного состава обновленских религиозных общин в достаточной степени зависело от мягкости советской власти по отношению к обновленской церкви, это приобрело выражение в «поддержке» данной конфессии в противовес другим конфессиям [3, с. 89].

Базовые принципы лояльного отношения режима к данному объединению проявлялись в следующем: помощи при регистрации учредительных документов религиозных организации, так как они имели законное действующее руководство, «которое имеет право удостоверить подписи своих прихожан в уставе»; обеспечение получения разрешения на пользование представителями обновленской церкви печатью и штампом Окружного Епархиального Управления; запрете создания и регистрации благочинных советов других ориентаций, кроме обновленской [3, с. 89].

Коммунистический режим с помощью неправовых методов способствовал передаче в собственность обновленских объединений православных церквей, привлекая к этим процессам миллицейские группировки. Параллельно проходило уничтожение иконостасов. Лиц, которые предпринимчиво поддерживали патриарха Тихона, заключали. Однако исследователи государственно-церковных отношений отмечают, что такие действия не добавляли популярности и широкого признания обновленскому объединению. Уважение к репутации данной церкви снижалось, зато достаточно быстрыми темпами росли рейтинги православной церкви во главе с патриархом.

Стоит отметить, что в Украине в исследуемый период формировались религиозные организации, которые носили национальный характер. Выделялась среди них своей энергичностью Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ). Так, 14–30 октября 1921 г. в Киеве состоялся Первый Всеукраинский Церковный Собор, который подтвердил автокефалию УАПЦ,

провозглашенную Всеукраинским Православным Церковным Советом 5 мая, и вписал ее к канонам УАПЦ как один из главных принципов такой: «Украинская Православная Церковь является автокефальной, никакому духовному правительству других Православных Церквей не подлежит и сама хозяйничает своей духовной жизнью за проводниковым Святого Духа». В течение 1917–1921 г. УАПЦ уже имела свыше 1 500 парафий и в каждой из них священников, 30 окружных церковных советов, 30 епископов, в Киеве состоялся выпуск 300 слушателей теологических курсов. Сначала были месячные, дальше трехмесячные и впоследствии полугодовые богословские курсы.

Б. Андрусишин подчеркивает, что большевики поддерживали УАПЦ только как силу, которая на практике имела возможность противостоять патриаршей церкви. Власть лояльно относилась к нововведениям, которые инициировала церковь в богослужении и социальной работе. Но принимая во внимание направленность религиозной организации на национальные интересы, она представляла угрозу для правительства большевиков.

В положениях инструкции Наркомата внутренних дел УССР и Наркомата юстиции УССР, датированной 17 февраля в 1925 г., речь шла о предоставлении права без получения разрешения осуществлять религиозную деятельность, то есть выступать с проповедями религиозного содержания в сооружениях, которые имеют право использоваться для данных целей, проведение обрядовых ритуалов для семей в храмах и непосредственно по месту жительства граждан [4, с. 63–64].

Ученый Г. Лаврик в своем исследовании «Правовое регулирование свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций в советской Украине (1919–1929 гг.)» приходит к выводу, что утверждением инструкции Наркомата внутренних дел УССР и Наркомата юстиции УССР от 17 февраля в 1925 г. стала попытка расширить обеспечение юридических положений относительно надежда свободой в вопросах организации и осуществления обрядов религиозного характера для каждого человека, так как эти действия не противоречат и не нарушают права других граждан,

установленного порядка. Указанные правовые позиции закреплял декрет Временного рабоче-крестьянского правительства Украины «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», датированный 22 января в 1919 г. [7]. Данный документ фактически дублировал положение декрета Совета народных комиссаров Русской Социалистической Федеральной Советской Республики «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Религиозные общины оставались правомочными, но лишались права собственности.

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» приобрел весомое значение среди законодательных актов советской власти относительно церкви в Украине. В положениях данного документа нашли отражение ряд вопросов: свободы совести граждан, обеспечение одинаковых условий и равных прав разным религиозным течениям, отделение церкви от государства, отделение школы от религиозных объединений.

Не достигнув нужных результатов в пределах законодательной сферы борьбы с религией, государство начало способствовать становлению разветвленного репрессивного аппарата. Эти действия применялись, в частности, для утверждения режима, для «оправдания» своего существования. Под усилением воспитательной работы (такая риторика тогда имела место) проводили жесткую борьбу против так называемых «врагов народа». К данной категории ЦК КП(б)У относил и представителей духовенства, и верующих с активной позицией, и органы церковного управления [9, с. 284].

В соответствии с декретом Временного рабоче-крестьянского правительства Украины «Об отделении церкви от государства» не разрешалось овладения учениями религиозного устремления в каких-либо государственных, общественных и частных учебных учреждениях, в пределах которых имела место учеба общеобразовательных предметов. Таким образом, граждане Украины получали права получать религиозное образование в частном порядке, на что указывала ст. 9 Декрета.

Стоит обратить внимание на тот факт, что верующее население ис-

пользовало разнообразные средства и приемы сопротивления в ситуации, которая сложилась. К законным методам сопротивления относятся следующие: предоставление в соответствующие инстанции жалоб, сильное собрание материальных активов для обеспечения функционирования религиозных организаций, содействия разного характера богатым слоям населения, например, возведение молитвенных домов, попытки приобрести церковные ценности, которые подлежали принудительной конфискации, предоставления поддержки служащим культа, поскольку согласно действующему законодательству никакие религиозные, церковные организации не имеют права владеть собственностью. Фактически они были лишены юридических прав [2].

Выводы. Большевицкий режим с правовой точки зрения лишь ограничился декларированиями основных принципов свободы совести, отмежеванием церкви от государства, школы от церкви. Проводилась откровенная антирелигиозная политика. Законотворчество советской власти в сфере регулирования деятельности религиозных объединений было направлено на абсолютное их разрушение, за исключением использования отдельных обществ для достижения собственных целей.

Список использованной литературы:

1. Андрусишин Б.І. Бондаренко В.Д. Державно-церковні відносини: історія, сучасний стан та перспективи розвитку : навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів / Б.І. Андрусишин В.Д. Бондаренко. – К.: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2010. – 282 с.

2. Бойко О.В. Протидія православної церкви і громадськості антирелігійному наступу держави у 20–30-ті роки ХХ ст. (на матеріалах Півдня України) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : спец. 07.00.01 / О.В. Бойко ; Дніпропетр.нац.ун-т. – Дніпропетровськ, 2007. – 19 с. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://libs.com.ua/a-istoriya/33648-1-protidiya-pravoslavnoi-cerkvi-gromadskosti-antireligijnomu> –

nastupu – derzhavi-20-30-ti-roki-na-materialah-pivdnya-ukraini.php

3. Грушева Т.В. Становище обновленської церкви в Україні у 20-х роках ХХ ст. (за матеріалами Запорізького регіону) / Т.В. Грушева І.А. Біла // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – Запоріжжя : Просвіта, 2009. – Вип. 25. – С. 87–92.

4. Об отделении церкви от государства и школы от церкви : Дополнительная инструкция Народного Комиссариата Внутренних Дел всем местным органам для руководства при проведении декрета от 22/І-19 года // Бюллетень НКВД. – 1925. – № 4 (19). – С. 63–67.

5. Змерзлый Б.В. Политические документы РКП(б) (ВКП(б)), ставшие идеологической основой законодательной базы в деле регулирования деятельности религиозных общин в СССР (1920–1930-е гг.) / Б.В. Змерзлый // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2009. – Т. 22 (61). – № 2. – С. 23–30.

6. Киридон А.М. Державно-церковні відносини в радянській Україні 1920–1930-х років: Соціальний вимір / А.М. Киридон // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки : міжвід. зб. наук. пр. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2004. – Вип. 12. – С. 234–256.

7. Лаврик Г.В. Правове регулювання свободи совісті, віросповідання і діяльності релігійних організацій у радянській Україні / Г.В. Лаврик. – Полтава : АСМІ, 2006. – 368 с.

8. О расторжении брака : Декрет ВЦИК и СНК, 16 (29) декабря 1917 г. // Декреты советской власти : В 2-х т. / Ред. кол. : З.И. Пулол (председатель) и др. – М., 1957. – 625 с.

9. Пашенко В.Г. Деякі аспекти державно-церковних відносин у 1920–30 рр. (на прикладі громад баптистів та євангельських християн Полтавщини) / В.Г. Пашенко // Краєзнавство. – 2000. – № 1–2. – С. 228–233.

10. Рибак І.В. Політика радянської влади щодо російської православної церкви в Криму (1917–1941 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : спец. 07.00.01 / І.В. Рибак ; Черкаський національний ун-т ім. Богдана Хмельницького. – Черкаси, 2008. – 20 с.